

Чжао Юнь оставил Гунсунь Вань и, сделав в два счета три шага, в панике выбежал из винного павильона.

— Чжао Цзилун, ты это к чему?! — Гунсунь Вань свесилась с перил второго этажа и громко завопила на улицу.

Чжао Юнь преградил путь двоим и уже протянул руку, чтобы вытащить мужчину, почти потерявшего человеческий облик от пьянки, но спутник того отвёл его руку в сторону.

— Брат, что ты задумал?

Чжао Юнь бросил на того взгляд: на первый взгляд — сушая элегантность, однако на дне глаз таилась распутленная похоть. Брови Чжао Юня сошлись на переносице, и он резким движением притянул мужчину к себе.

— Фэнсяо, пошли со мной.

Го Цзя, в конце концов, был пьян, вот только толком не помнил, как именно упился и как вернулся в особняк.

Обрывочные картины хаотично переплетались в его голове.

Утром он и вправду вышел из дома, чтобы встретиться со знакомым — человеком, который приходился ему приятелем и в прошлой жизни, и в этой.

Сюнь Юй.

Сюнь Юй и он сошлись еще в лагере Юань Шао, вот только в обоих своих воплощениях Го Цзя покидал лагерь Юань पहले прочих.

На этот раз Сюнь Юй проездом оказался в уезде Цзи и поведал ему о своем намерении отправиться на службу к Цао ЦАО.

Сюнь Юй уговаривал его:

— Фэнсяо, что касается стратегического ума, ты не уступаешь мне, а в понимании человеческих сердец ты куда проницательнее меня. Как ты можешь не разглядеть истинную суть Гунсунь Цзая? Этот человек — не герой с помыслами, объемлющими Поднебесную, но и для коварного злодея, замышляющего смуту, он не годится. Судя по тому, что у него на уме, даже до подлеца он не дотягивает — слишком бездарен.

Го Цзя держал в ладонях чашечку с теплым вином и молчал, затуманенный взгляд его блуждал, и никто не ведал, о чем он думал.

— Пусть он и ученик Лу Цзиганя, но в худшем случае он — не более чем заурядный вояка. — Сюнь Юй выпил, вино ударило в голову, и слова его стали еще откровеннее. — Фэнсяо, твой уход от Юань Бэньчу я могу понять, но... но почему ты явился в подчинение к Гунсунь Цзаню? Не лучше ли тебе последовать за мной к Цао ЦАО? Вот этот человек действительно способен свершить великие дела.

— Цзя не поступал на службу к господину Богую.

— Тогда что это?

— Вэньжо, я знаю, что ты переживаешь за меня, но об этом Цзя говорить не желает.

Прежний Го Цзя никогда не скупился на вино, и его ранняя смерть в прошлой жизни была тесно связана с неумеренным пьянством.

В нынешней же жизни его тело стало еще слабее, а после перерождения слишком сильно изменился и склад ума.

Даже любя вино, он научился сдерживаться, почти не притрагиваясь к нему, и вел столь чистый и скромный образ жизни, что почти не отличался от монаха.

Но стоило встретить Сюнь Юя, ощутить аромат согретого вина у небольшой глиняной жаровни с красной глиной и вспомнить всё, что было связано с Лагерем Цао в прошлом воплощении, как он выпил на пару чашек больше.

Естественно, тело, не выносящее хмеля, от каких-то нескольких чарочек уже слегка захмелело.

Сюнь Юй взгляделся в его чуть рассеянный взгляд и отобрал у него винную чашу:

— Фэнсяо поистине не желает последовать со мной в Лагерь Цао?

Го Цзя подпер голову рукой, массируя начинающие гореть виски.

— Оставь. Раз ты столь непреклонен, я не стану настаивать. Фэнсяо, где ты остановился? Я провожу тебя до дому. Ты пьян.

Го Цзя поднял на него глаза:

— Вэньжо намерен уехать?

— Повозка уже ждет за городской стеной.

Го Цзя махнул рукой:

— Тогда ступай, не беспокойся обо мне, я в порядке.

— Истинно так?

— Разумеется.

— Если передумаешь — отыщи меня в Лагере Цао.

— Цзя понял.

Го Цзя лежал на постели, тупо уставившись в потолок. Резные сандаловые узоры, выпуклые облачные мотивы — каждый штрих и резец, если приглядеться, являли собой искусную работу, бросающую вызов самим небесам. Увы, скрытые в полумраке потолка, разве многие способны оценить их по достоинству?

Го Цзя насмешливо изогнул уголки губ.

Словно он сам в прошлой жизни: возился с мельчайшими деталями, стремясь проявить себя во всем, и в итоге...

Когда сближаешься со всем без разбору, пути судеб исчерпывают себя слишком быстро...

Когда Чжао Юнь толкнул дверь и вошел, он застал его безучастно прислонившемся к изголовью кровати.

— Фэнсяо, пора принять лекарство.

Густой отвар в пиале отливал буро-коричневым, жар еще не рассеялся, а густая горечь уже заполнила воздух.

Го Цзя нахмурился, делая ложку за ложкой все более медленные глотки, словно каждый из них был частью какой-то партии в облачные шахматы.

Расползающаяся во рту горечь заставила даже уголки его глаз слегка покраснеть.

— Больше чтобы это не повторялось, — Чжао Юнь опустился на парчовый табурет у изголовья.
— Тот человек... он негодай.

Чжао Юнь долго подбирал слова, перебирая множество выражений, но в итоге выдал лишь сухое: «негодяй».

Го Цзя, едва осиливший последний глоток отвара, услышав это, чуть было снова не рассмеялся.

— Я знаю, — слабо отозвался он.

— Знал и все равно пошел с ним? — Цзи брови Чжао Юня мгновенно взлетели вверх.

Го Цзя с обиженным видом посмотрел на него — то ли оттого, что лекарство было слишком горьким, то ли оттого, что слова прозвучали слишком сурово.

— Потому что Цзя был пьян.

Вчера, после ухода Сюнь Юя, Го Цзя велел подать еще вина и пил в одиночестве, наслаждаясь моментом. Когда появился тот человек, он уже настолько упился, что в тумане слышал лишь его вкрадчивый смех у самого уха и предложение отправиться развлечься.

Го Цзя пытался оттолкнуть его, но тело от хмеля превратилось в вату.

Подумав, что только выйдя с этим человеком за порог он получит шанс на спасение, он притворился, будто им по пути.

На самом деле, еще до того, как Чжао Юнь появился перед ним, Го Цзя издали почуял его присутствие.

Быть может, в этой жизни — то ли человека, то ли призрака — сказания о душах и впрямь существуют?

Он нарочно громко смеялся, нарочно заливал в себя вино... то ли пытаясь привлечь внимание Чжао Юня, то ли...

Потому что Чжао Юнь сидел вместе с Гунсунь Вань...

Во всем этом клубке правого и неправого Го Цзя, казалось, еще не до конца разобрался сам.

Видя его совершенно бескровное лицо, Чжао Юнь уже не мог произнести ни единого сурового

слова.

— Фэнсяо, с тех пор как мы знакомы, твой тончайший ум и божественная пронизательность неизменно вызывали во мне глубочайшее восхищение, но на этот раз... Фэнсяо, ты же прекрасно знаешь о своем слабом здоровье, почему... зачем ты снова... упился допьяна?

Глубокие, угольно-черные зрачки пылали обжигающим жаром.

Го Цзя случайно столкнулся с ним взглядом и тут же словно обжегся. Поднимающийся из глубин души холод этой жизни не мог противостоять палящему взору молодого воина.

Го Цзя чувствовал лишь, как его щеки будто охватило пламя, постепенно покрываясь неестественным алым румянцем.

— И что же, по мнению Цзилуна, стало причиной...

Чжао Юнь перебил его:

— Из-за Гунсунь Вань?

Чжао Юнь с ужасом понял, что сболтнул лишнее, а Го Цзя резко поднял на него голову.

Их взгляды скрестились, потоки чувств смешались.

Пронзительный взгляд раскосых фениксовых глаз и мимолетная растерянность в них;

Нежный и мягкий омут персиковых глаз и секундное помрачение рассудка.

Едва слышное бормотание:

— Ты думаешь, я топил горе в вине из-за тебя и Гунсунь Вань?

Чжао Юнь не ответил ни да, ни нет, лишь как-то растерянно и смущенно глядя на него.

Значит, ты думал, что Цзя любит тебя?

Этого вопроса Го Цзя, конечно же, задавать не стал.

Ему оставалось лишь позволить странной тишине повиснуть между ними.

Глубокая ночь, яростный ветер.

Гонец на бешеной скачке пробил ворота осажденного города, Гунсунь Цзань среди ночи созвал совет, и Чжао Юнь также получил приказ явиться.

В ярко освещенном главном зале Гунсунь Цзань с мрачным лицом окинул взглядом собравшихся.

— Великий сима вознамерился направить войска против Юань Шу. Каковы мнения у присутствующих?

Сидевшие внизу люди сидели прямо, не смея поднять глаз.

— Как! Неужели все вы полагаете, что мой шаг по пресечению замыслов великого сима был ошибкой? — Гунсунь Цзань повысил голос.

Чжао Юнь смотрел на огонек свечи неподалеку, наблюдая, как его колеблет порыв ветра.

Совсем как вспыльчивый нрав Гунсунь Цзаня в этот момент.

Вэй Юй из свиты Лю Юя примчался среди ночи, чтобы сообщить Гунсунь Цзаню: сын Лю Юя, Лю Хэ, был задержан Юань Шу, который к тому же велел передать Лю Юю предложение объединить силы и вместе выступить на восток, чтобы вернуть Сянь-ди в Сиань.

В отличие от сурового и жестокого Гунсунь Цзаня, Лю Юй слыл человеком добрым и мягкосердечным, а из всех его приближенных с Гунсунь Цзанем поддерживал связь лишь этот Вэй Юй.

И раз уж Вэй Юй явился сюда среди ночи, причины сего поступки вряд ли были так просты.

Чжао Юнь знал свой вес в глазах Гунсунь Цзаня: хотя он и снял осаду с Бэйхая, для самого Гунсунь Цзаня куда важнее было то, что он ослабил чью-то чужую армию, пусть даже совсем немного.

Фань Фан бросил взгляд то в одну, то в другую сторону:

— Господин, по моему скромному разумению, человек, с которым нам сейчас следует бороться — вовсе не великий сима, а Юань Гунлу.

Гунсунь Цзань огладил бороду и неожиданно издал тяжелый вздох:

— Если великий сима уперся рогом, что я могу поделаться? — При этом на его лице промелькнула легкая усмешка.

Сидевший ниже Фань Фан тоже ответил ему зловещей улыбкой.

— Цзилун, слушай мой приказ! — неожиданно рявкнул Гунсунь Цзань.

Чжао Юнь на мгновение замер и сделал шаг вперед.

— Подчиненный здесь.

На рассвете Чжао Юнь наскоро собрал дорожный скарб, и у выхода из комнаты случайно столкнулся с Сюй Лу.

— Фэнсяо еще не проснулся?

Сюй Лу потер сонлавы глаза:

— Угу, учитель еще спит. Братец Чжао собрался уходить?

— Да.

— Я пойду разбужу учителя.

Чжао Юнь остановил его:

— Не нужно, ничего особенного. Я пойду.

— О? Куда это братец Чжао? И когда вернешься?

На исходе осени холодный ветер ранней зимы начал поднимать с земли желтые листья.

В этот зябкий сезон теплое солнце во дворе уже не грело по-прежнему, и привычное кресло-качалка Го Цзя было перенесено обратно в дом.

Укутавшись в лисью шубу, он заложил руки за спину и стоял посреди двора, его чистый голос прозвучал отчетливо:

— Цзилун сопровождает Гунсунь Юэ на встречу с Юань Шу?

Сюй Лу откликнулся из-за его спины:

— Да. Братец Чжао сказал, что господин отдал срочный приказ среди ночи.

Го Цзя небрежно сорвал сухой лист. Темно-красные прожилки переплетались на желтеющей поверхности затейливыми узорами, словно неразгаданная загадка.

— Он хочет сблизиться с Юань Шу... Ха-ха, неужто он не боится, что другие используют его как лезвие ножа?

— Учитель, о чем вы? — Сюй Лу показалось, что он расслышал слова Го Цзя, но смысл ускользнул от него полностью.

Го Цзя повернул голову и спросил:

— Заглядывала ли сегодня Четвертая госпожа?

— Заглядывала, с самого утра приходила. Говорила, что хочет проводить братца Чжао, только вот даже тени братца Чжао не застала. — Сюй Лу украдкой усмехнулся. — Зато она похвасталась, будто господин уже дал ей свое согласие: мол, как только братец Чжао вернется из этой поездки, они с ним поженятся.

— Вот как.

Сюй Лу недоверчиво вытаращил глаза и переспросил:

— Учитель, братец Чжао женится!

— Мм.

— Учитель, если братец Чжао женится, в нашем особняке заведется своенравная и капризная хозяйка.

Го Цзя раскрыл ладонь. Оставшийся на ней сухой лист легко качнулся от порыва холодного ветра и затерялся в нем, подобно шепоту, унесенному бурей.

— Мужчине подобает обзавестись семьей и утвердиться в жизни.

— Тогда что же делать учителю?

Сюй Лу обнаружил, что, кажется, уже привык к тому, что хозяевами этого особняка являются Чжао Юнь и... Го Цзя.

Го Цзя улыбнулся:

— Ничего особенного. Найду местечко да съеду, вот и всё.

Сюй Лу, растерянный ветром, ошеломленно смотрел, как Го Цзя повернулся и вошел в дом, а спустя мгновение вышел уже при полном параде, с мечом Юаньхун на поясе.

— Учитель, вы тоже уходите? — вскричал Сюй Лу. — Разве у вас еще утром не поднималась температура?

— Сейчас уже спала. — Го Цзя направился напрямиком к конюшне.

— Я с вами! — бросился следом Сюй Лу.

Го Цзя бросил на него косой взгляд:

— Раны зажили полностью?

— Почти.

— Значит, еще не зажили. Сиди дома.

Сюй Лу остался недоволен и сам вывел коня, но Го Цзя прикрикнул на него:

— Оставайся. Если меня не будет месяц, вы с Чэн И покиньте уезд Цзи.

— А?

— Ступайте... на юг, чем дальше на юг, тем лучше.

— А-а.

Го Цзя натянул поводья. Чистокровный скань яростно заржал, и железные копыта звонко и мощно застучали по пыльной дороге.

Сюй Лу во все глаза смотрел, как тот вскочил в седло и взмахнул хлыстом, после чего

ошарашенно выпалил:

— Учитель, вы что, собрались искать братца Чжао?!

<http://bllate.org/book/19191/1884805>